

Прокопенко Т.В.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

PAK CHRISTIANA – К ОНТОЛОГИЧЕСКОМУ ГОРИЗОНТУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди проблем, связанных с взаимоотношениями Церкви и государства в современных условиях, важное место занимает вопрос о практике реализации церковно-государственного диалога, а сам этот вопрос имеет богатую историографию. Стремление понять сущность зарождающейся политической культуры, отразить христианский идеал применительно к конкретным русским условиям прослеживается уже в первых русских летописях, в условиях, когда многие вопросы взаимоотношения церкви и государства были чрезвычайно острыми и животрепещущими. В последующие столетия русские церковные и светские мыслители неоднократно обращались к этой проблеме, пытаясь найти взаимоприемлемое сочетание интересов Церкви и государства, совместить восточно-христианский идеал государственно-церковных отношений и русские реалии. Основами для представления идеала и оценки приближения к нему в практической политике были учения восточных отцов и учителей, в которых заданы смысловые горизонты понимания государственных задач перед лицом Бога и вечности.

Так, Евсевий Кесарийский, пытаясь совместить языческий императорский культ и христианскую доктрину, подчеркивает сверхчеловеческое естество императора, его непосредственную связь с Богом и его уподобленность Господу, отмечая: «Единородное Слово Бога непрерывно соцарствует своему Отцу от безначальных веков в неисчислимые и бесконечные века, а друг Его, получивший свыше мудрость царствования и укрепляемый названием, одноименным Богу, властвует через долгие периоды годов. Спаситель всех готовится своему Отцу благоприятными все небо, мир и вышнее царство, а друг Его приводит к единородному и спасительному Слову подвластных себе жителей земли, и через то делает их готовыми для того же самого царства» [2]. Из учения Евсевия Кесарийского следовало, что особа императора как Божьего избранника является священной, а его власть – своего рода священнодействием, в силу того что, как отмечал С. Рансимен, «...его (императора) глаза возведены горе, поскольку он ждет указания Божьего. Следовательно, его надо окружать таким почетом и славой, какие подобают земному подобию Божью» [6]. Подобно Богу, император возвышался над всеми рядовыми смертными, и пышный придворный церемониал еще более подчеркивал его недоступность и

удаленность от мирской суеты. Все, что было связано с императором – его дворец, придворный совет, казна, опочивальня, одеяния – все было священным, и всякое покушение на что-либо из принадлежащего императору было не просто воровством или изменой, а святотатством. Но иначе быть не могло, ведь при Юстиниане на свет рождается не только идея симфонии, но и другая, ставящая императора на порядок выше любого простого смертного. И не случайно, что при Юстиниане, преисполненном сознания величия императорской власти и сана, византийский придворный церемониал, установившийся в общих чертах во времена Диоклетиана, был усовершенствован и еще более усложнен. 84-е правило св. апостол гласило: «Аще кто досадит царю, или князю, не по правде: да понесет наказание. И аще таковый будет из клира, да будет извержен от священного чина: аще же мирянин, да будет отлучен от общения церковного» [4, 23–34]. Это правило было подтверждено и позднее, в «Синтагме» Матфея Властаря.

Византоцентризм был неразрывно связан, точнее, был прямым следствием воспринятой византийцами разработанной в эллинистическом мире и усовершенствованной христианскими писателями идеи «божественного царства». В византийской идеологии не только сохранилось, но и получило дальнейшее развитие античное понимание Империи как единственного «мира», обжитой вселенной (п'йчхмЭнз), населенной людьми, за пределами которой есть лишь мир «потусторонний», населенный «не-людьми» [3, 23]. Поэтому вполне естественным было восприятие византийскими книжниками и философами империи как не обычного государства, а Imperium Romanum Christianum, империи христианской, богохранимой, исполнительницы божественных предначертаний и «Града земного» – земного подобия «Града небесного». Отнюдь не случайно Феодор Студит писал в 821 г. императору Михаилу: «По справедливости, в настоящее время из уст всех гонимых с особенной силой должна возноситься хвала, во-первых, Царю всех Христу, а затем и Вашей богоизбранной державе, благодаря которой мы, связанные, получили разрешение, содержимые под стражей – отпущение, угнетенные – утешение, израненные – исцеление, осужденные – свободу, изгнанные – возвращение»[5]. Георгий же Акрополит прямо называет подданных Ромейской державы «христоименитым народом» [1]. Поэтому вполне естественным выглядит именование Константинополя новым Иерусалимом, а Византии – новым Израилем, землей богоизбранного народа. Эта традиция ставить перед властью и народом религиозно-нравственные, христианские задачи правильной жизни находит свое продолжение и в современных дискуссиях о путях церковно-государственного диалога в России.

Литература

1. Георгий Акрополит. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. 76 // Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Георгий Акрополит. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. – Рязань: Александрия, 2003 г. – 470 с
2. Евсевий Кесарийский. Слово василевсу Константину по случаю тридцатилетия его царствования [Электронный ресурс] url: http://azbyka.ru/otechnik/?Evsevij_Kesarijskij/slovo-vasilevsu-konstantinu дата обращения (03.03.2014)
3. Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли из варвара сделать христианина? – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 376 с.
4. Книга Правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и поместных и святых отец. – М.: Русский Хронограф, 2004. – 410 с.
5. Преподобный Феодор Студит. Послание 74 (133). К Михаилу, самодержавному императору // [Электронный ресурс] url: http://pagez.ru/lsn/studit_p/0133.php (03.03.2014)
6. Рансимен С. Византийская теократия // Восточная схизма. Византийская теократия. – М., 1998.

Проселкова Т.В.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ДОКТРИНА ТВОРЕНИЯ, ПРИРОДА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ОБЩЕСТВА В ФИЛОСОФИИ М.Б. ФОСТЕРА

Название тезисов взято в кавычки, поскольку оно частично заимствовано из названия уникального сборника статей [8], посвященного жизни и творчеству оксфордского философа М.Б. Фостера (1903–1959). Нельзя не признать его точным – именно между этими тремя областями интеллектуальной деятельности человечества (теологией, наукой и теорией общественного устройства), философ установил и обосновал связи в своих пронизательных и глубоких работах. Его имя малоизвестно вне круга специалистов по истории и философии науки и практически совсем неизвестно отечественному читателю. Однако ни одно серьезное историко-философское обсуждение вышеупомянутых связей не обходится без обращения к его идеям. Более того, многие из этих идей давно уже вошли в наш научный обиход, впрочем, без отдания должного их автору и часто даже упоминания авторства.

Среди ученых наибольшую известность получили три его блестящие статьи, опубликованные в середине 30-х годов прошлого столетия в журнале "Mind" ([3],[4],[5]). Они составляют некое единое целое, которое (вместе с его глубокой и утонченной аргументацией) в науке принято называть "тезисом Фостера". Тезис Фостера в широком